

ПРАВОВЫЕ РАНЫ: ЗНАЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ ГЕЕВ И ЛЕСБИЯНОК В РОССИИ

Александр Кондаков

Александр Кондаков – научный сотрудник Центра независимых социологических исследований. Адрес для переписки: ЦНСИ, а/я 193, Санкт-Петербург, 191040, Россия. kondakov@cisr.ru.

Автор благодарит Фонд имени Генриха Белля за финансовую поддержку в проведении данного исследования.

В статье обсуждается вопрос о том, какое значение имеют права человека для геев и лесбиянок в современной России. Основой для выводов автору послужили материалы эмпирического исследования: дискурсивного анализа групповых дискуссий и индивидуальных интервью с геями и лесбиянками Петербурга. Анализ строится на базе методологической концепции «правовой раны», позволяющей проблематизировать и описать процесс формирования гомосексуального субъекта дискурса прав человека.

Ключевые слова: права человека; геи и лесбиянки; правовые раны

Осенью прошлого года в Санкт-Петербурге был принят закон, ограничивающий свободу публичной манифестации гомосексуальности. Подобные законы уже существовали в Архангельске и Рязани, некоторые другие регионы страны также собираются принять аналогичные запреты, в первом чтении закон принят Государственной думой. Обсуждение данного законопроекта в Петербургском законодательном собрании спровоцировало всплеск деятельности активистов по защите прав человека для геев и лесбиянок. Акции протеста не были такими массовыми, как, например, «Стоунволл»¹, послуживший толчком для активизации правозащитного движения против угнетения по признаку сексуальной ориентации в США. Российские ЛГБТ-демонстрации пока с трудом набирают и два десятка участников.

Сами активисты часто жалуются, что ЛГБТ-сообщества в России нет² – некому выходить на улицы и требовать своих прав. С этим мнением соглашаются редакто-

¹ Ночью 28 июня 1969 года полиция Нью-Йорка совершала рутинную проверку гей-бара «Стоунволл-инн», но встретила отпор со стороны его посетителей. Это событие положило начало серии беспорядков и демонстраций против политики полицейского и государственного вторжения в частную жизнь геев и лесбиянок США.

² Созаев, Валерий. 2009. «ЛГБТ-сообщества в России не существует. Почти». Движение: сайт про общественные движения, 26 февраля. Просмотрено 9 июля 2012 г. (<http://dvizh.org/2009/02/26/1257>).

ры журнала для «настоящих» мужчин³. Другие источники насчитывают от семи до десяти процентов гомосексуалов от всего населения страны⁴. Высшим политическим руководством распространяется мнение о том, что эта группа не испытывает никакой дискриминации, в России нет препятствий для реализации прав человека геями и лесбиянками⁵. Комментарии о правовом положении гомосексуалов в стране редко поступают и от российских омбудсменов (Kondakov 2010:16). Казалось бы, вырисовывается благополучная картина. Однако дела против России о нарушении прав человека по признакам принадлежности к ЛГБТ-сообществу рассматриваются в Европейском суде по правам человека и получают однозначную оценку судей: права нарушаются⁶.

Позиция активистов и политиков, таким образом, артикулируется на самом высоком уровне: в международных судах и на признанных публичных аренах газет и журналов. При этом остается малоизученным отношение к проблеме со стороны тех геев и лесбиянок⁷, которые не занимаются политикой или правозащитной деятельностью, не подают иски в Европейский суд по правам человека и не выходят на улицы с призывами к правительству. В этом контексте возникает вопрос: какую ценность представляют права человека для тех, кого пытаются защищать активисты. Этот текст – попытка дать голос не активистам и политикам, но самим гомосексуалам. Задачей исследования стало выяснение того, какое значение для геев и лесбиянок в России имеют права человека, насколько требования данной группы вписаны в дискурс о правах человека, то есть каким образом геи и лесбиянки артикулируют эти права. Поиск смыслов осуществлялся через объяснение производства субъектов в рамках дискурса о правах человека (Potter and Wetherell 1994:47). Акцент анализа смещен с нормативных текстов (законов и деклараций о правах человека), являющихся важным, но не единственным источником дискурса прав человека, на нарративы, полученные в ходе групповых дискуссий и индивидуальных интервью от петербургских геев и лесбиянок.

В следующем разделе описывается контекст исследования: я пытаюсь раскрыть некоторые механизмы работы дискурса о правах человека и те основные

³ 4man. 2003. «По России в среднем 0,5% гомосексуалистов». 9 января. Просмотрено 12 октября 2011г. (<http://www.4man.ru/sex/5164>).

⁴ См., к примеру, радикально-православные выкладки: Мельник, Владимир. 2011. «“Святая Русь” и “Развратный Запад”». Библиотека Якова Кротова, февраль. Просмотрено 12 октября 2012 г. (http://krotov.info/libr_min/13_m/el/nik_2.htm).

⁵ См. РИА Новости. 2010. «Интервью Владимира Путина Ларри Кингу. Полный текст». 2 декабря. Просмотрено 3 декабря 2010 г. (<http://ria.ru/interview/20101202/303390492.html>).

⁶ Human Rights Europe. 2011. “Court confirms judgement against Moscow gay parade ban.” April 15. Retrieved February 19, 2013 (<http://www.humanrightseurope.org/2011/04/court-confirms-judgement-against-moscow-gay-parade-ban/>).

⁷ В данной статье я буду использовать общую категорию «геи и лесбиянки» для обозначения субъекта дискурса, о котором идет речь. При этом необходимо понимать, что такая категория имеет значение в пределах дискурса о правах человека (поскольку эксплицитно использует данные категории), но может не играть существенной роли при других обстоятельствах: например, при самоидентификации человека (Барчунова и Парфенова 2010:153–155).

методологические подходы, которые будут полезны для дальнейшего анализа. Метод и этапы сбора эмпирического материала представлены во втором разделе. Логика последнего раздела задана анализом интервью.

СВОБОДА ПРАВА

Концепция прав человека зародилась в Европе в рамках общей на тот момент гуманистической идеологии эпохи Просвещения. В самом общем виде права человека предполагают наличие у каждого индивида априорно заданных самой природой прав и свобод (Локк 1988:668). Применение этой идеи на практике до сих пор вызывает ряд затруднений. Традиция левой критики концепта была заложена в XIX веке Карлом Марксом ([1844] 1955), отмечавшим излишнее внимание сторонников прав человека к идеям частной собственности (права человека защищают не человека, а его собственность). Сегодня теоретики права и политологи неомарксистского толка также критикуют воспроизводимое концепцией прав человека неравенство (Donnelly 1999; Brown 2002; Clapham 2007). Основанием для критики служат принятые после Второй мировой войны правовые документы, которые требуют признания и реализации этих прав во всем мире. «Всеобщая декларация прав человека» (1948) прямо указывает на обязанность правительств всех стран обеспечивать их соблюдение, однако вопрос о выполнении этой обязанности разными государствами по отношению к своим гражданам остается открытым.

Негативные эффекты политического и юридического использования прав человека описываются критиками с самых разных точек зрения. Теоретики сходятся во мнении, что формулировка дискурса о правах человека производится с позиции власти. Маркс считал права человека способом выражения воли правящего класса (Маркс [1844] 1955). Постколониальная теория обращает внимание на то, что права человека являются новым методом империализма, при помощи которого бывшие колонии вновь записываются в категорию недоразвитых обществ (Santos 2002). Феминистки настаивают на том, что права человека созданы белыми гетеросексуальными мужчинами среднего класса для самих себя и потому лишь усиливают традиционное гендерное разделение труда на работе и дома (MacKinnon 1993).

Следует иметь в виду, однако, что властная позиция в дискурсе не занята одним единственным игроком – государством. Международные наднациональные и неправительственные организации также активно участвуют в формулировке дискурса о правах человека. Большинство международных и местных НКО занимаются правозащитной деятельностью, выделяя геев и лесбиянок в качестве частного случая угнетаемой группы. Так формулируется доминирующий глобальный дискурс, поддерживаемый государствами, международными организациями, локальными НКО, эффект которого заключается в сведении потребностей человека к постулированию прав. По мнению Уэнди Браун, в условиях глобального дискурса права человека «становятся тем, чего невозможно не желать» (Brown 2002:421).

Однако вопрос о том, насколько дискурс о правах человека проникает на уровень личных потребностей и ожиданий, остается малоизученным. Некоторые ученые

считают, что человек способен превратно интерпретировать свои права (Clapham 2007:17) или оспаривать их приоритет, выдвигая на первый план иные концепции общественной организации, включающей религиозные, традиционные или другие нормативные порядки (см., например: Sen 1979); высказывается также мнение о том, что человек способен организовать свою жизнь вне прямой зависимости от того, соблюдаются его права или нет. В конце концов, некоторые люди не знают ни что такое права человека, ни для чего они нужны им.

В настоящей работе предпринята попытка исследования того, каким образом проговаривается дискурс о правах человека в повседневных суждениях людей. Джонатан Поттер и Маргарет Уэзерелл считают, что существует как минимум четыре типа работ, называемых анализом дискурса (Potter and Wetherell 1994:47). Если два первых (по времени возникновения) способа дискурс-анализа связаны с лингвистикой, то два других в большей степени ассоциируются с социальными науками, поскольку в их задачи входит изучение наблюдаемых дискурсивных практик, напрямую не связанных с языком. Один из этих способов фокусируется на производстве истин властными социальными институтами: наукой, государством, церковью. Другой – на производстве субъектов, персонифицирующих дискурс (то есть на производстве субъектов дискурса) (Hall 2001:74). Такой анализ дискурса связывается с работами Мишеля Фуко (Potter and Wetherell 1994:48–49). В качестве наиболее показательного примера, иллюстрирующего применение анализа дискурса Фуко, можно назвать третий том «Истории сексуальности» («Забота о себе»), в котором рассматривается, как произведенный властными институтами гомосексуальный субъект («гомосексуал») получает возможность действовать, то есть интерпретировать значения идей в дискурсе (Фуко 1998)⁸. Человек может не знать о том, что он понимается субъектом дискурса и, тем не менее, производить суждения (фразы, практики) в качестве субъекта. Производство субъекта дискурса – это одновременно и работа властных институтов по категоризации субъектов (например, выделение «гомосексуала» в качестве психически больного в XIX веке), и отождествление с ним себя (например, принятие «гомосексуальной идентичности» в качестве неотъемлемой части собственной личности), и наделение субъекта новыми значениями (например, оспаривание медикализации гомосексуального субъекта через культурные и социальные практики). Изучение дискурсивных практик (производства суждений субъектами) и является предметом данной статьи. Для такого рода исследования необходимо объяснить, почему по данной теме высказались определенным образом, а не как-то иначе (Foucault 1972:30). Далее описывается методологический подход к двум важным для дан-

⁸ Схожим образом Фуко описывает субъекты, персонифицирующие медицинский дискурс («сумасшедший» в «Рождении клиники») и правовой дискурс («преступник» в «Надзирать и наказывать»). Следует иметь в виду, что один конкретный тип анализа дискурса не используется автономно. Любой анализ будет сочетать методы разных типов. Скажем, в данной статье контекстуальное описание является частью критического анализа дискурса, занятого изучением производства истин властными институтами. Более подробно анализ влияния властных институтов при производстве гомосексуального субъекта в современной России изложен в Kondakov 2010.

ного исследования взаимосвязанным процессам, определяющим способы производства субъекта дискурса о правах человека. Первый из них – это процесс возникновения исковой идентичности, то есть артикуляция субъекта дискурса о правах человека. Именно от его лица в дискурсе формулируются потребности в терминах прав человека. Второй – это процесс образования правовой раны (концепт, предложенный Уэнди Браун), то есть динамично развивающееся чувство угнетения по признаку исковой идентичности.

ИСКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Право – один из наиболее влиятельных властных институтов в современном обществе. Как тип дискурса право обладает глоссарием, относящимся к обсуждаемым вопросам: в юридических науках, в частности, широко дискутируется понятие правовой идентичности. В классической юриспруденции существует категория правового статуса личности – ее «юридического бытия»; «[п]онятие правовой идентичности может выступать аналогом правового статуса с точки зрения социологии права, или функциональной характеристикой правового статуса личности» (Ветютнев 2005:42). В отличие от статуса правовая идентичность имеет свое продолжение в социальных практиках – она наделяет человека правами и обязанностями в соответствии с законом и одновременно формирует образ действий, кажущийся естественным для данной правовой идентичности.

Такой подход представляется излишне позитивистским, предполагающим безоговорочное действие норм права в части тех целей, для которых они написаны. Обычно его связывают с функционалистским пониманием права как института, формирующего общество посредством прямого действия законов: людьми выполняется то, что предполагается кодексами (Galkina 1990). Правовая идентичность в данном случае понимается как нечто данное если не природой, то законом, отождествляемым юристами-теоретиками с природой. Иначе понимается право критиками неоллиберализма. Они считают, что право формирует такую систему, в рамках которой уже имеющиеся социальные реалии регулируются в соответствии с его нормами (Brown 2006). Например, межгрупповой конфликт будет виден закону только в том случае, если угнетаемая группа сформулирует запрос на равноправие – то есть по собственной «воле» призовет закон отрегулировать неравенство. Как может постулироваться такой запрос? Джудит Батлер дает на этот вопрос однозначный ответ: государство распределяет «признание и права только среди субъектов, обобщенных той спецификой, что выстраивает их статус истцов» (Батлер 2002:87). Эффект работы этого механизма заключается в воспроизводстве эссенциалистских аргументов, необходимых для постулирования требований прав человека от имени конкретной группы.

Следуя логике Джудит Батлер (Butler 1995), австралийская исследовательница Кэрл Джонсон предлагает новое понимание «правовой идентичности» как «исковой идентичности» (Johnson 2002). Этот концепт проблематизирует сразу несколько исходных постулатов. Во-первых, если речь идет об идентичности, значит, в оборот вводится концепция существования субъекта с характеристиками, заданными априори, понимаемыми в качестве неотъемлемых. Во-вторых, иск –

понятие сугубо юридическое, это требование, предъявляемое в судебном порядке потерпевшим обидчику. Следовательно, «исксовая идентичность» очерчивает свое «естественное» существование только в рамках правового дискурса. В-третьих, сочетание понятий идентичности и иска в одном концепте указывает на сконструированность идентичности (коль скоро она существует только при определенных условиях, а не в силу «природной данности») и на динамику властных отношений, через которые осуществляется ее конструирование (власть правового дискурса, работа референта в виде ответчика, система угнетения по признаку «идентичности»). Таким образом, дискурс производит угнетаемые субъекты права, чтобы вписать их угнетение в систему прав человека и самим фактом признания создать иллюзию уничтожения неравенства. Ключевое требование в этом процессе – доказать естественность существования категории, на основе которой строится политика против угнетения. Тем самым дискурс о правах человека воспроизводит неравенство через производство «исксовых идентичностей», то есть фактически производит сегрегацию социума.

Чтобы раскрыть механизмы формирования «исксовой идентичности», необходимо понимать, как формулируется «волевой» запрос к существующей системе со стороны субъектов дискурса. Другими словами, важно обозначить те дискурсивные правила, которые в конечном счете приводят к постулированию требований уважения прав человека по отношению к определенному субъекту дискурса.

ПРАВОВАЯ РАНА

Осознание субъектом своих прав часто связывается с термином «правосознание», которое в самом общем виде включает «безусловное уважение к закону и нормам демократии, утверждение на практике новых правовых принципов, повышение качества и уровня реальной обеспеченности прав и свобод граждан» (Козырева 2008:86). Правосознание связывается как с законопослушанием, так и со знанием норм права и их активным использованием для защиты своих законных интересов, прав и свобод, то есть это – «идеи о природе, функциях и действии закона, которые разделяют некоторые члены общества в определенный период времени» (Trubek 1984:592). Исследователи отмечают, что российское общество характеризуется низкими показателями по всем этим пунктам (Шугуров 2006:69), что выражается в целой серии негативных явлений такого типа, как «правовой нигилизм» общества (Гуляихин 2004), «правовой цинизм» власти (Шугуров 2006), превалирование неформальной экономики (Олимпиева 2005) и т.п.

Важный аспект правосознания – это знание правовых норм и решение частных проблем законными путями (Мелехин 2007:478; Марченко 2004). Такое внимание к знанию человека о нормах права предполагает, во-первых, что многие (если не все) затруднения хотя бы теоретически могут быть разрешены при помощи активного и уместного использования правовых механизмов. Во-вторых, правосознание подразумевает понимание субъектом целостной правовой системы, действующей в государстве и основанной на справедливом порядке. При этом праву, как и правовой идентичности, рассмотренной выше, отдается решающая роль при регулировании общественных отношений. В-третьих, правосознание

предполагает наличие заранее заданных и безусловно справедливых норм права, использование которых позволяет разрешать конфликты, возникающие здесь и сейчас. Наконец, правосознание подразумевает наличие активного и автономного субъекта, обладающего им, следовательно, этот концепт не учитывает влияние властей дискурса, формирующих это сознание.

Категория правосознания неоднократно подвергалась критике. В частности, в работах критически настроенных авторов правосознание отождествляется с идеологией, задающей рамки для артикуляции и проблем, а также их решений (Sarat 1990). В работе, посвященной социальной политике в области бедности, Остин Сарат пишет, что правосознание, понимаемое ею как правовая идеология, – это власть, доминирование и процессы сопротивления, которые влияют на формулирование требования признать определенные идентичности и соответствующие им нужды (Там же:344). Таким образом, существующие проблемы могут артикулироваться в качестве проблем только в пределах правовой идеологии, которая принимает их как проблемы. Это происходит если идеология способна предложить правовое решение, в противном случае отвергается само существование этих проблем. Знание субъекта формируется дискурсивными силами так, чтобы под такие затруднения можно было подвести правовую базу. Здесь не учтен и еще один важный момент: в дискурсе эти затруднения воспроизводятся путем формирования угнетенных миноритарных групп («исковых идентичностей»). На этот процесс обращает внимание Уэнди Браун, которая предлагает вместо правосознания изучать образование «правовой раны» (Brown 1993).

Браун считает, что субъекты правового дискурса лишь производят реакции на те силы, которые ограничивают их свободу. Эта реакция заключается в самой материализации субъектов согласно предлагаемым дискурсивными властями категориям (Brown 1995). В дискурсе задаются дисциплинарные параметры – то состояние, в котором пребывает воображаемый идеальный субъект. Сравнение с идеальным субъектом производит страдание от несоответствия идеалу. Страдание, в свою очередь, конструирует миноритарную идентичность, которая интернализирует вину за собственное несовершенство. Уэнди Браун берет этот концепт из ницшеанской философии:

Стремясь попасть в «ангелы» (чтобы не употребить более грубого слова), человек откормил себе испорченный желудок и обложенный язык, через которые ему не только опротивели радость и невинность зверя, но и сама жизнь утратила вкус, – так что временами он стоит перед самим собой с зажатым носом и, хмурясь, составляет с папой Иннокентием Третьим каталог своих сквернот («нечистое зачатие, омерзительное питание во чреве матери, загрязненность вещества, из коего развивается человек, мерзкая вонь, выделение мокрот, мочи и кала») (Ницше 1990:447).

Конструируемое таким образом идеальное состояние субъекта правового дискурса – это состояние правообладателя. Иными словами, рана – это желание либо обладать правами, либо быть тем, кто ими обладает, поскольку собственное Я мыслится в качестве неидеального (греховного у Ницше). Тем самым Уэнди Браун

ун ставит под сомнение скорее не права человека и правовой дискурс, в котором воспроизводится желание этих прав, но ту систему, которая производит иерархию человеческого опыта, когда один опыт признается менее значительным и для его признания необходимо артикулировать запрос на включение в общество через требование равенства и прав человека. Вопрос, пусть риторический, состоит в том, что «[д]аже если мы вынуждены хотеть прав и нуждаться в них, неужели они действительно формируют и воспроизводят в словах наше собственное желание» (Brown 2002:421)?

Интернализация вины за собственное несовершенство имеет разные эффекты. Миноритарная идентичность, как «постыдная», может скрываться от глаз публики, в этом заключается эффект конформности. В либеральной идеологии, к которой принадлежит идея прав человека, эта ситуация понимается как закрывающая страдающего от нее человека в «лживом, искаженном, приуменьшенном бытии [...], калечащим людей ненавистью к самим себе» (Phillips 1999:129). С другой стороны, угнетенное состояние производит страдание, которому может наступить предел. Преодоление границ толерантности, неспособность терпеть больше боль раны, формулируют запрос на признание прав человека для нивелирования этой боли. В этом случае артикулируется «исковая идентичность» – субъект, от лица которого ведется политика по признанию за ним прав человека.

Правовая рана – это метафора, овеществляющая символическое страдание, воспроизводимое в правовом дискурсе. Следовательно, она делает это страдание осязаемым: рану можно описать, назвать причины ее появления, предложить пути ее лечения. Это динамичный концепт, предполагающий постоянную проблематизацию идентичности для производства страдания до момента преодоления предела терпения. Она производит исковую идентичность, лишенную прав и желающую справедливости, артикулирующую это желание в требовании прав человека.

«РАНЕННЫЕ» НАРРАТИВЫ

Исследование проводилось в Санкт-Петербурге в 2011 году. Основным содержанием работы стали сбор и анализ материалов групповых дискуссий и биографических интервью с людьми, которые в той или иной мере причисляют себя к геям и лесбиянкам.

Хронологически первым способом сбора материала стала организация четырех групповых дискуссий, в каждой из которых приняли участие порядка семи человек разного пола и возраста. Принципиальных различий в суждениях по поводу прав человека участники групповых дискуссий не высказывали, хотя возрастные различия влияли на фактологическую сторону аргументации (старшее поколение апеллировало к советскому опыту жизни «под статьей» о «мужеложстве»). Участники дискуссии в разной степени были осведомлены о нормативном понимании прав человека: некоторые из них вовлечены в деятельность существующих ЛГБТ-организаций города, другие ничего не слышали об этих организациях.

Участники дискуссий были отобраны через сайты знакомств (mamba.ru), социальные сети (club-78.ru, facebook и vkontakte), благодаря личным контактам. Каждая из встреч занимала чуть более часа. Моей основной задачей было вызвать участников дискуссии на разговор с определенной темой: права человека для геев и лесбиянок. Я не задавал вопросов, предполагающих конкретные ответы, а лишь инициировал тематические дебаты, просил высказать любые личные суждения на тему встречи. Эти суждения – наиболее ценные материалы групповых дискуссий. Участники могли высказываться в любом порядке, некоторые предпочитали говорить мало, другие захватывали инициативу, провоцировали споры вокруг своих суждений. Конечно, последовательность высказывающихся влияла на то, что говорили респонденты. Эту зависимость я минимизировал двумя способами. Во-первых, я вмешивался в разговор и просил того, кто повторял чужие слова, высказать личную точку зрения. Во-вторых, я не учитывал явные повторения при последующем анализе данных.

Отправной точкой дискуссии стал мой вопрос о том, какие права человека представляются респондентам наиболее важными. Рассуждения на эту тему заняли более двух третей времени во всех группах. Участники дискуссий предлагали собственные объяснения ценности некоего набора прав и зачастую апеллировали к личному опыту для доказательства своей правоты: рассказывали случаи из жизни, биографические детали, истории своих друзей и знакомых. В некоторых случаях отчетливо артикулировались проблемы дискриминации по признаку сексуальной ориентации, в других – общие суждения о справедливости и равноправии.

Всего в исследовании приняло участие 32 человека: 11 женщин (из них 10 идентифицировали себя в качестве лесбиянок и одна – в качестве бисексуалки); 21 мужчина (из них 3 бисексуала и 18 геев). Репрезентативность по возрасту сразу считалась труднодостижимой целью. Однако, благодаря отказу от метода «снежного кома» при поиске респондентов, мне удалось собрать достаточно разнородную группу, в которой участники младшего возраста, традиционно более открытые для разного рода исследователей, могли встретиться со старшими. Среди участников групповых дискуссий преобладают люди с высшим образованием, но были и такие участники, которые высшего образования не получили. Большинство респондентов заняты интеллектуальным трудом или работают в сфере услуг, однако есть среди них и те, кто занят на производстве.

Нарративы, собранные в групповых дискуссиях, отражают, как респонденты понимают проблемы, связанные с правами человека, из каких элементов складываются их представления, способны ли они формулировать запросы в терминах прав человека.

На следующем этапе исследования были проведены биографические интервью с пятью респондентами разного возраста, рекрутированными теми же способами. В интервью приняли участие только мужчины (хотя это не было задумано специально), четверо из которых идентифицировали себя как геи и один – как бисексуал. Сюжеты, которые затронули респонденты, касались деталей биографии, частной жизни, работы, досуга респондентов, а также значимости проблем,

возникающих в связи с сексуальной ориентацией, в повседневной жизни. То, что проблема гомосексуальности вообще оказалась артикулирована, прежде всего могло быть обусловлено знанием темы исследования. Смысл проведения интервью состоял в том, чтобы проверить, затронут ли респонденты вопросы прав человека в том случае, если не обсуждать их специально, и изменится ли от этого язык говорения о правах человека. Обсуждение прав человека состоялось в схожих контекстах, уже артикулированных во время групповых дискуссий: организация совместного сожительства с партнером, комментарии по поводу деятельности активистов, опыт дискриминации в повседневной жизни.

Все материалы групповых дискуссий и индивидуальных интервью были анонимизированы: информация, по которой можно было бы идентифицировать респондента, в анализе эмпирических материалов отсутствует.

ПРАВО НА ПРАВА

ПРАВО БЫТЬ САМИМ СОБОЙ

Гомосексуальность, как и любые другие черты личности, не может манифестироваться лишь в рамках единственной культурной возможности: идентичностей геев и лесбиянок. Однако требования гарантии прав человека необходимо сформулировать от имени конкретной идентичности, и в рассматриваемом случае этой идентичностью становятся геи и лесбиянки. Борьба на политической арене ведется вокруг геев и лесбиянок, за и против геев и лесбиянок, от имени геев и лесбиянок и прав человека для геев и лесбиянок.

Несмотря на то, что права человека подразумевают определенный список, закрепленный в «Декларации...» и сопутствующих конвенциях, угнетенные группы часто составляют собственный перечень прав. Он может полностью совпадать с официально утвержденными документами или вносить незначительные изменения и уточнения, касающиеся конкретной «искковой идентичности». Речь идет о разных перечнях, оформленных в основном институционально. Например, в 2008 году ООН предложила странам-участникам подписать «Декларацию Организации Объединенных Наций по вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности», состоящую из тринадцати пунктов. Активную работу в этом направлении ведут и некоторые российские НКО⁹. В процессе обсуждений в рамках групповых дискуссий я также предложил участникам составить список наиболее важных для них прав: в него вошли признание права на брак, на усыновление, на недискриминацию, на жизнь, свобода собраний и другие. Те права, которые назывались первыми, наиболее часто и относительно независимо от группового обсуждения, мне представляются наиболее важными для анализа: «право быть самим собой» и

⁹ См., например, дискуссию: Кинофестиваль «Бок о бок». 2010. «Короткометражки “Два плюс один” и обсуждение темы: Дети в однополый семье». 17 октября. Просмотрено 23 декабря 2012 г. (<http://bok-o-bok.ru/saint-peterburg.asp?pid=59&lan=0&tid=493>); дискуссию: Санкт-Петербургская ЛГБТ-организация «Выход». 2010. «Инфовыход: какие права есть у ЛГБТ в разных странах мира». 9 сентября. Просмотрено 23 декабря 2012 г. (<http://www.comingoutspb.ru/ru/events/infovyixod>).

«право на признание партнерских отношений». Поэтому именно эти «права» будут обсуждаться дальше.

Одним из наиболее актуальных для собравшихся стало «право быть самим собой», включающее, по мнению участников, свободное представление себя в качестве гомосексуалов в разных пространствах (на улице, в семье, на работе). Сформулированное таким образом, оно носит почти экзистенциальный характер, то есть вписано в дискурс о правах человека через апеллирование к естественности («быть»). Это право отражает важное требование дискурса: сформулировать субъект и значение этого субъекта для последующего развития дискуссии. Речь идет об исковой идентичности, потому что формулировка ее существования как права на существование само по себе является указанием на угнетенное положение субъекта (ему отказано в праве быть). Таким образом, если бы субъект не понимался как угнетенный, запрос на существование не был бы сформулирован. «Право быть самим собой», то есть представляться в качестве гомосексуала, оказывается не только важной составляющей рефлексии геев и лесбиянок о собственном правовом положении, но и базовым дискурсивным позиционированием себя в качестве субъекта дискурса о правах человека.

В оппозиции к реализации этого «права» находится актуальная для участников *групповых дискуссий* стратегия конформизма, артикулированная в связи с «правом быть самим собой». Публичная манифестация гомосексуальности считается затруднительной из-за предполагаемого негативного отношения к ней со стороны общества и государства. Гомосексуальность мыслится в качестве свойства личности, которое следует скрывать, которое не должно «выпячиваться», распознаваться окружающими. Интернализация вины за свойственное человеку гомосексуальное влечение приводит к артикуляции двух тактик: недоверчивое сокрытие гомосексуальности перед незнакомцами и распространение «секретной» информации о ней только среди близкого круга посвященных. Тем самым проговаривается возможность осуществлять самоконтроль за своим поведением относительно манифестации гомосексуальности:

Приходится, ну, не то что двойную жизнь, но, по крайней мере, следить, что, кому говорю, да. Но это уже какие-то внутренние, да, личностные проблемы, связанные с этим, но я не могу сказать, что это внешнее там ущемление каких-то моих прав.

Я начинаю «пасти контору», что там примут, что не примут – вот такое вот как бы вещи. Хотя в плане то, что у меня все-таки женский пол, где-то полегче. У меня есть как бы знакомый, он принимает меня, в принципе, что вот, я такая, но он такой [гомофоб], касаемо именно как бы геев, ну, я как бы прикалываюсь над ним, но вот все равно такие вот какие-то вещи.

Во время *групповых дискуссий* состоялось обсуждение нормативных требований о приемлемом и неприемлемом поведении, контекстами которого стали рассказы о семье, школе, работе – институтах, наиболее значимых в процессе трансляции доминантных дискурсов:

...я в колледже стала говорить о своей сексуальной ориентации, и мне стали говорить, что как бы, ну, нормальная она там, но, может быть, только не надо, ну, об этом вот рассказывать. Может быть, лучше об этом помолчать.

Школа – это, да, самое страшное: маленький поселок, то есть гомофобия, ну, она как, даже в принципе такого нет – гомофобия – просто если ты не пацан, как все, то ты значит чужой и, значит, ты в принципе становишься изгоем в той или иной степени.

Люди, ассоциируемые с этими социальными институтами, часто не включаются в тот близкий круг, который посвящен в тайну о гомосексуальности субъекта (если этот круг вообще сформирован). Напротив, считается, что это те, от кого гомосексуальность необходимо скрывать. Один из респондентов, с которым было проведено *биографическое интервью*, врач с десятилетним стажем, утверждает, что его родители, коллеги по работе, одноклассники не знают о том, что его «не интересует возможность жениться», зато несколько его друзей и друзей его постоянного партнера знают. Они считают: «...зачем выпячивать это? Мне не нравятся все эти гей-парады».

«Выпячивание» – неоднозначное, но достаточно распространенное понятие, использованное многими респондентами во время интервью и дискуссий. Его значение можно интерпретировать как любые проявления субъекта, которые могут быть восприняты окружающими как признаки гомосексуальности. «Выпячивание» может интерпретироваться как манифестация особой и значимой для индивида идентичности – то есть выражение исковой идентичности, формулирующей своими действиями или словами вызов несправедливости. Отсутствие исковой идентичности выражается также в невозможности артикулировать правовой запрос. Эту ситуацию очень точно можно проследить в высказывании другого респондента, гомосексуальность которого остается закрытой даже для близкого круга друзей (по его собственному утверждению, они говорят о ней только знаками и намеками). С ним также проводилось *биографическое интервью тет-а-тет*:

Когда вот эти все гей-парады начинаются, они могут привести к тому, что именно за оскорбление общественного мнения [будут привлекать к ответственности – прим. А. К.]. Зачем вам по Красной площади идти? Хотите вы тусоваться – пожалуйста, вот туда, на природу, и там указывайте, свои права качайте, говорите и все такое, все такое. Какие сейчас права геев запрещены!

Разговор о правах в биографических интервью не занимал так много места, как в групповых дискуссиях. Чаще всего обсуждение прав инициировалось респондентами при рассказе об опыте дискриминации. В других случаях права человека обсуждались в контексте повествования о совместной жизни с партнером, поскольку организация быта представлялась собеседникам затруднительной из-за негативного отношения окружающих, а выход из ситуации виделся в государственном санкционировании однополых браков. Это, однако, представляется респондентам делом далекого будущего.

Репрессивные действия государственной власти, в том числе законодательные, понимаются как опасные и тем самым усугубляют интернализацию вины за собственную гомосексуальность. Они способствуют организации открытой «гетеросексуальной» жизни геями и лесбиянками. Этим объясняет свои действия и действия своих знакомых респондент, с которым проводилось *биографическое интервью*:

[...] в наше время это была вообще закрытая тема. Вообще не говорить, нельзя было афишировать, ничего. Поэтому все это было закрыто [...]. И из-за этого, вот, все мои друзья, все имеют семьи, потому что в советское время это было нельзя, ну, не соответствовало.

Подобное отношение в более мягкой форме можно было встретить в рамках *групповых дискуссий*. Участники дискуссий указывали на отсутствие притеснений, трудностей или агрессии по отношению к себе и связывали такое положение вещей с тем, что у неназванных потенциальных «агрессоров» нет оснований считать их гомосексуалами. Это обеспечивает необходимый уровень безопасности. В то же время респонденты считают, что в некоторых средах они могут с относительной безопасностью артикулировать собственную гомосексуальность:

В школе я не отличался от других парней и был... и сам не знал, что я гей, поэтому естественно никаких не могло быть в принципе по этому поводу притеснений. Сейчас меня лично никто не притесняет, потому что, наверно, на мне опять же не видно, и люди, с которыми я мало общаюсь, об этом просто не знают, а друзей я себе выбираю сам, соответственно, там, мои одноклассники знают, родители знают, но проблем у меня никогда с этим не было.

Таким образом, окружающая среда понимается геями и лесбиянками как опасная. Включение в общество осуществляется либо путем сознательной мимикрии, либо нейтральным поведением. Важнейшие, по мнению респондентов, права предполагают публичную манифестацию сексуальной ориентации, то есть открытое признание себя «другим», выделение из большинства, «выпячивание». Без этого конструирование гомосексуального субъекта прав человека не может полноценно состояться. Однако, формулируя свой запрос, респонденты ориентируются на тот образец, который, по их мнению, доступен гетеросексуальному большинству.

Иных условий для полноправного включения в общество во время исследования не было названо. Как уже отмечалось выше, социальные институты, формирующие знание, считаются враждебно настроенными по отношению к гомосексуальности. Однако эта ситуация одновременно может стать базисом для формирования исковой идентичности, поскольку выставляемые ограничения порождают чувство ущемленности, которое может быть проявлено в том числе и в терминах дискурса прав человека.

РАНЕНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Не следует думать, что респонденты делятся на группы тех, кто ратует за конформизм, и принципиальных «бунтовщиков» – среди них были и такие, которым ока-

зались близки обе позиции, органично сочетающиеся в одном нарративе. Пожалуй, фундаментом такого сочетания послужил достаточно спокойный характер протеста, высказанный во время *групповых дискуссий*:

[...] никакого ущемления особенно нет, но некоторая *неуютность* все равно чувствуется;

Ну, в принципе общество как-то это, как-то странно к этому ко всему относится, да, то есть [...], но это больше такие какие-то *аморфные* ощущения.

Единственное, что, наверное, что мне не может не... может не нравиться – это то, что я не могу всем подряд говорить и *чувствовать себя комфортно* в той или иной ситуации. В каком-то коллективе я должен чувствовать себя так, потому что они так хотят. А выпячиваться – это получается, я буду себе вредить.

В этих цитатах используется риторика, которая выражает незначительность угнетения (выделено курсивом), оправдание собственного конформизма через ничтожность нарушающих комфорт факторов. В цитатах проговаривается опыт, не оформленный в требуемую дискурсом исковую идентичность, то есть не вписанный в дискурс о правах человека. В интервью и дискуссиях права человека либо артикулировались как требование (в этом случае «неуютность» перерастала в осознание угнетения), либо не артикулировались (тогда сообщалось, что с «аморфными ощущениями» можно жить, организуя секретную гомосексуальную повседневность). В случае активной артикуляции исковой идентичности, требования уважения прав человека респонденты сообщали и о возможной опасности применения к ним каких-либо санкций. Зато сам факт артикуляции отождествляется с освобождением, ему придавалось большое значение:

...когда человек не скрывает свою сексуальность, открыто ее проявляет, он как-то чувствует себя уверенно. Потому что это... эээ... ну, как, сексуальность она, когда ты свободен, она постоянно проявляется, то есть ее как-то скрывать, куда-то засовывать, чтобы, не дай бог, никто не увидел – это сразу не то...

Свобода, выражающаяся в манифестации идентичности, является важной ценностью в либеральной системе права. Эта «свобода» завоевывается активными исковыми идентичностями, квалифицирующими свой жизненный опыт в терминах прав человека. Именно такие запросы должны сформироваться, чтобы правовое государство смогло включить эти идентичности в правовой дискурс и осуществлять их регулирование через права и обязанности. Одновременно, это несвобода в фукианском смысле (Foucault 1984:245), то есть иллюзия «свободы», в действительности ограниченной дискурсивными силами.

Разговаривая о правах человека, участники групповых дискуссий сознавались в своей неосведомленности: «Я, наверное, не понимаю, что, какие у меня вообще права есть». Или: «Ну, даже не знаю, что тебе ответить». В то же время они активно употребляли термины политического словаря, которые часто исполь-

зуются в дебатах о правах человека – равенство, толерантность, равноправие, свобода: «[...] толерантности как таковой в принципе нету, не используется». Некоторые респонденты использовали также и юридические формулы (такие как «свобода собраний», «защита частной собственности»). В результате был сформулирован список прав, одно из которых уже обсуждалось выше.

Далее будет обсуждаться право на однополые браки и партнерства, которое заняло в иерархии прав столь же значимое место, сколько и «право быть самим собой».

«Право на признание партнерских отношений» формулировалось с помощью разных терминов: «Почему не изобрести, допустим, юридическую такую вот фишку-мульку, которая, допустим, на бумаге будет?»

Аргументами в пользу «права на брак» в некоторых случаях оказывались рациональные принципы разделения собственности в совместных домохозяйствах. Логика этих аргументов в основном строилась на фундаменте уравнивания одинаковых по сути отношений в правовом дискурсе: гетеросексуальных и гомосексуальных парных сожительств. Равные права на брак, по мнению респондентов, должны решать насущные юридические вопросы в гомосексуальных парах так же, как это происходит в гетеросексуальных – раздел собственности, возможность быть представленными членам семьи друг друга:

[...] каждый имеет право на брак, и я тоже. Ну, то есть вот основная проблема, которая, я считаю, что, вот, когда люди разных полов, они женятся, у них существует, там, ну вот, ну, раздел имущества, какие-то материальные штуки – они урегулированы законодательством. В нашей ситуации ничего не урегулировано.

Участники групповых дискуссий при аргументации апеллировали к гетеросексуальной модели брачных отношений, никакой другой опыт не упоминался. При этом они активно выражали недовольство существующей несправедливостью, и в этих высказываниях отражались прежде всего представления о браке:

[...] знаете вот идею – смотришь на гетеросексуалов и хочешь так же – да, вот я хочу прокатиться на этом свадебном лимузине, прокатиться по Невскому!

[...] когда молодой, там, парень влюбляется в девушку, он может рассказать об этом сверстникам, он может привести свою девушку в свою компанию, может рассказать на работе, вот, там у меня есть девушка. Когда они вступают в брак, они отмечают свадьбу и показывают свои фотографии окружающим и коллегам по работе, одноклассникам, одногруппникам, друзьям – и это все воспринимается как любовь, и это прекрасно, да. И совершенно другое – это отношение к геям.

Аргументы равенства с гетеросексуальным референтом при признании брачных отношений для некоторых респондентов имеют символическое значение: такое признание означало бы общественное и политическое включение гомосексуальности в качестве варианта нормы. В этом смысле «право на брак» становится

аргументом правозащитной борьбы, выработанным самими гомосексуалами, – той правовой раной, которая, возможно, приведет к формированию исковой идентичности. Потребности открытой манифестации сексуального желания и безопасного совместного быта формулируются в терминах прав, и именно они оцениваются в качестве однозначно позитивных целей для борьбы за права человека:

[...] свобода брака под собой подразумевает, что ты выбираешь человека, с которым хочешь связать жизнь, а не женщину с которой хочешь связать жизнь.

Мне вообще кажется, что если будет право, вот, на брак появится, и вся ситуация, вот, сама закроется.

Если респонденты и не высказывали другие свои желания в терминах прав человека во время интервью и дискуссий, то это вовсе не означает, что они не станут этого делать никогда. Абстрактный референт в виде гетеросексуального большинства вызывает к жизни право «быть самим собой» и «право на брак». Страдания, сопутствующие невозможности реализации этих прав, еще можно терпеть, поскольку каждое из них может осуществляться в секрете: «быть самим собой» в близком кругу друзей, организовывать брачные отношения только в границах частного пространства. Следует, однако, понимать, что границы частного пространства искусственны, о чем свидетельствуют люди, столкнувшиеся с насилием, произволом или несправедливым отношением:

[...] был случай, когда один неадекватный врач сказал типа, да... по поводу моего заболевания, так как я ВИЧ-инфицированный, значит... «[...] ну, что вы хотите, если вы там налево и направо во все дырки [...]», то есть ничем мы вам тут не обязаны, то есть идите дальше, вот.

Когда мой молодой человек пропал без вести, я пошел в милицию, меня послали на хер, потому что я гей.

[...] у нас на районе просто милиция, патруль милиции проезжал мимо и придрался ко мне и моему мужу: то есть типа, что вот от вас за километр пахнет вашей ориентацией. Мы были положены в снег, чтобы мы не смогли позвонить «02», потому что я, как правило, знаю права, ну, знаком и знаю, что на «02» записываются все обращения. То есть там идет запись, то есть, ну, и, видимо, эти милиционеры тоже, они поняли, что моя попытка позвонить на «02» ни к чему хорошему не приведет.

Как следует из материалов, собранных в ходе работы, право на однополые брачные отношения может реализовываться неформально. Рассуждая о праве на брак, участники исследования пытаются сформулировать запрос через апелляцию к гетеросексуальному образцу. Чувство несправедливости, вызванное необходимостью скрывать какую-то из сфер своей жизни, или ситуации прямого насилия оказывают влияние на процесс понимания прав человека и конструирование исковой идентичности. Ситуация частичного исключения из публичности не только формирует словарь, но и ограничивает круг тем, считающихся уместными при

разговоре о правах человека. Фактически эта ситуация задает определенный список прав. Другим следствием становится нарастание самого чувства угнетения через опыт, наблюдение и оценку окружающей действительности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судя по проведенному исследованию, история борьбы за права человека для геев и лесбиянок в России развивается по закономерному и знакомому по опыту западноевропейских стран сценарию. В правовом дискурсе проблематизируются исковая идентичность и страдания индивидов, вызываемые несоответствием гетеросексуальному референту. Запрос о соблюдении прав человека, постулируемый геем и лесбиянками, основывается на представлениях о правах «гетеросексуального большинства»: безопасности манифестации сексуальности в публичном пространстве и желании обладать правом на регистрацию брачных отношений. Отсутствие каких-либо специфических требований, связанных с особенностями гомосексуальных брачных отношений или с воспитанием детей однополыми родителями, может быть обусловлено рядом причин. Во-первых, в России только начинает формироваться специфический словарь, необходимый для артикуляции прав человека для геев и лесбиянок. Причина также может скрываться во внешней среде, которая представляется респондентам враждебной, и в этом случае толерантность к собственному несправедливому положению оказывается выше, чем риски, связанные с публичной манифестацией. В этих условиях доминирующим стремлением гомосексуалов становится включенность в большинство, в том числе за счет сокрытия гомосексуальности. Следствием такой ситуации является то, что предпочтение отдается стратегиям конформизма, которые, тем не менее, органично сочетаются с мягкими формами сопротивления угнетению (ощущение «неуютности», «некомфортности», несвободы).

Тем не менее, важно отметить, что правовая рана у исследуемой группы формируется именно в связи с невозможностью открытости, публичности. Желание публичности – шаг к формированию исковой идентичности.

Попытка формулировки исковой идентичности представляется важным аспектом конструирования субъекта дискурса о правах человека для геев и лесбиянок. В России такой субъект еще только намечается, имеет аморфные очертания – люди сообщают об опыте угнетения, высказывают недовольство несправедливостью. История развития идей о гомосексуальности в нашей стране знает разные примеры формирования субъектов соответствующего дискурса: «содомит» – в религии, «мужеложец» – в имперском и советском праве, «гомосексуалист» – в отечественной медицине. Каждому из них соответствовал набор определенных характеристик и соответствующий словарь для описания отношения к этим субъектам: грех, преступление, болезнь. Современный гомосексуальный субъект в определенной мере сохраняет этот «багаж», однако появление новой культурной возможности – исковой идентичности геев и лесбиянок – имеет и новые эффекты. Эти эффекты прежде всего связаны с новым пониманием себя в качестве субъекта, достоинство которого вписывается в дискурс прав человека.

При этом, формулируя желания, связанные с официальным оформлением брачных отношений, либо открытой манифестацией сексуальности, субъект прямо или косвенно вписывает их в категории прав человека.

Знания и представления о правах человека приобретаются в процессе формирования опыта угнетения и дискриминации, когда искомая идентичность регистрирует несправедливое отношение к себе. Эти представления являются фундаментом для восприятия ценности прав человека и формулирования требований уважать их. Права человека приобретают серьезное значение для геев и лесбиянок – их ценность очевидна для тех, кто понимает свое положение как угнетенное. Таким образом, права человека обеспечивают основу для выставления требований по признанию субъекта и одновременно воспроизводят особый субъект, положение которого заведомо угнетенное, неравное, *другое*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барчунова, Татьяна и Оксана Парфенова. 2010. «Shift-F2: интернет-фактор, массмедиа и интимное поведение молодых сибирячек». *Laboratorium* 2(3):150–172.
- Батлер, Джудит. 2002. *Психика власти: теории субъекции*. СПб.: Алетейя.
- Ветютнев, Юрий. 2005. «Возможна ли универсальная правовая идентичность?» С. 41–52 в *Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире*, под ред. Ольги Малиновой и Александра Сунгурова. СПб.: Норма.
- Гуляихин, Вячеслав. 2004. «Формы правового нигилизма в России». *Личность. Культура. Общество* 3(23):254–263.
- Козырева, Полина. 2008. «Правовое сознание и доверие». *Политические исследования* 4:86–101.
- Локк, Джон. 1988. *Сочинения в трех томах*. Т. 3. М.: Мысль.
- Маркс, Карл. [1844] 1955. «К еврейскому вопросу». С. 382–413 в *Собрание сочинений*. Т. 1. М.: Политиздат.
- Марченко, Михаил. 2004. *Теория государства и права: Учебник*. М.: Зерцало.
- Мелехин, Александр. 2007. *Теория государства и права: Учебник*. М.: Маркет ДС.
- Ницше, Фридрих. 1990. *Сочинения*. Т. 2. М.: Мысль.
- Олимпиева, Ирина. 2005. «Неформальная экономика лесопользования как объект исследования». С. 9–17 в *Неформальная экономика лесопользования: участники, практики, отношения (на основе материалов исследования Иркутской области)*, под ред. Ирины Олимпиевой, Олега Паченкова и Зои Соловьевой. М.: МОНФ.
- Фуко, Мишель. 1998. *Забота о себе*. Киев: Дух и Литера.
- Шугуров, Марк. 2006. «Конституционализация международных норм прав человека и российское правосознание». *Общественные науки и современность* 2:67–77.
- Brown, Wendy. 1993. "Wounded Attachments." *Political Theory* 21(3):390–410.
- Brown, Wendy. 1995. *States of Injury: Power and Freedom in Late Modernity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Brown, Wendy. 2002. "Suffering the Paradoxes of Rights." Pp. 420–434 in *Left Legalism/Left Critique*, edited by Wendy Brown and Janet Halley. Durham, NC: Duke University Press.
- Brown, Wendy. 2006. *Regulating Aversion: Tolerance in the Age of Identity and Empire*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Butler, Judith. 1995. "Subjection, Resistance, Resignification." Pp. 229–250 in *The Identity in Question*, edited by John Rajchman. London: Routledge.
- Clapham, Andrew. 2007. *Human Rights: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Donnelly, Jack. 1999. "The Social Construction of International Human Rights." Pp. 71–102 in *Human Rights in Global Politics*, edited by Tim Dunne and Nicholas J. Wheeler. Cambridge: Cambridge University Press.

- Foucault, Michel. 1972. *Archaeology of Knowledge*. London: Routledge.
- Foucault, Michel. 1984. "On the Genealogy of Ethics." Pp. 229–252 in *Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*, 2nd ed., edited by Hubert L. Dreyfus and Paul Rabinow. Chicago: University of Chicago Press.
- Galkina, Nadezhda. 1990. "Sociology of Law in Soviet Union." Pp. 847–868 in *Developing Sociology of Law: A World-Wide Documentary Enquiry*, edited by Vincenzo Ferrari. Milano: Giuffrè.
- Hall, Stuart. 2001. "Foucault: Power, Knowledge, and Discourse." Pp. 72–81 in *Discourse Theory and Practice: A Reader*, edited by Margaret Wetherell, Stephani Taylor, and Simeon J. Yates. London: Sage Publications.
- Johnson, Carol. 2002. "Heteronormative Citizenship and the Politics of Passing." *Sexualities* 5(3):317–336.
- Kondakov, Alexander. 2010. "Heteronormativity of the Russian Legal Discourse: The Silencing, Lack, and Absence of Homosexual Subjects in Law and Policies." *Sortuz* 4(2):4–23.
- MacKinnon, Catharine A. 1993. *Only Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Phillips, Anne. 1999. "The Politicisation of Difference: Does This Make for a More Intolerant Society." Pp. 126–145 in *Toleration, Identity and Difference*, edited by John Horton and Susan Mendus. New York: Macmillan.
- Potter, Jonathan and Margaret Wetherell. 1994. "Analyzing Discourse." Pp. 47–66 in *Analyzing Qualitative Data*, edited by Alan Bryman and Robert G. Burgess. London: Routledge.
- Santos, Boaventura de Sousa. 2002. *Towards a New Legal Common Sense*. 2nd ed. London: Butterworths LexisNexis.
- Sarat, Austin. 1990. "The Law Is All Over: Power, Resistance and the Legal Consciousness of the Welfare Poor." *Yale Journal of Law & the Humanities* 2:343–379.
- Sen, Amartya. 1979. "Equality of What?" The Tanner Lecture on Human Values, delivered at Stanford University, May 22. Retrieved on January 8, 2007 (<http://www.uv.es/~mperezs/intpoleco/Lecturcomp/Distribucion%20Crecimiento/Sen%20Equality%20of%20what.pdf>).
- Trubek, David. 1984. "Where the Action Is: Critical Legal Studies and Empiricism." *Stanford Law Review* 36(1/2):575–622.

LEGAL WOUNDS: THE MEANING OF HUMAN RIGHTS FOR LESBIANS AND GAY MEN IN RUSSIA

Alexander Kondakov

Alexander Kondakov is a researcher at the Centre for Independent Social Research. Address for correspondence: CISR, PO Box 193, St. Petersburg, 191040, Russia. kondakov@cisr.ru.

The author thanks the Heinrich Böll Foundation for financial support for this research.

This article discusses the production of lesbians and gay men as subjects of human rights discourse in Russia. Conclusions are drawn from discourse analysis of group discussions and life history interviews with St. Petersburg lesbians and gay men. I base my analysis on the methodological concept of the "legal wound" which makes it possible

to show the legal situation of the subjects that personify human rights discourse in contemporary Russia.

Keywords: Human Rights; Lesbians and Gay Men; Legal Wound

REFERENCES

- Barchunova, Tat'iana and Oksana Parfenova. 2010. "Shift-F2: internet-faktor, massmedia i intimnoe povedenie molodykh sibiriachek." *Laboratorium* 2(3):150–172.
- Brown, Wendy. 1993. "Wounded Attachments." *Political Theory* 21(3):390–410.
- Brown, Wendy. 1995. *States of Injury: Power and Freedom in Late Modernity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Brown, Wendy. 2002. "Suffering the Paradoxes of Rights." Pp. 420–434 in *Left Legalism/Left Critique*, edited by Wendy Brown and Janet Halley. Durham, NC: Duke University Press.
- Brown, Wendy. 2006. *Regulating Aversion: Tolerance in the Age of Identity and Empire*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Butler, Judith. 1995. "Subjection, Resistance, Resignification." Pp. 229–250 in *The Identity in Question*, edited by John Rajchman. London: Routledge.
- Butler, Judith. 2002. *Psikhika vlasti: teorii sub"eksii*. Saint Petersburg: Aleteiia.
- Clapham, Andrew. 2007. *Human Rights: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Donnelly, Jack. 1999. "The Social Construction of International Human Rights." Pp. 71–102 in *Human Rights in Global Politics*, edited by Tim Dunne and Nicholas J. Wheeler. Cambridge: Cambridge University Press.
- Foucault, Michel. 1972. *Archaeology of Knowledge*. London: Routledge.
- Foucault, Michel. 1984. "On the Genealogy of Ethics." Pp. 229–252 in *Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*, 2nd ed., edited by Hubert L. Dreyfus and Paul Rabinow. Chicago: University of Chicago Press.
- Foucault, Michel. 1998. *Zabota o sebe*. Kiev: Dukh i Litera.
- Galkina, Nadezhda. 1990. "Sociology of Law in Soviet Union." Pp. 847–868 in *Developing Sociology of Law: A World-Wide Documentary Enquiry*, edited by Vincenzo Ferrari. Milano: Giuffrè.
- Guliaikhin, Viacheslav. 2004. "Formy pravovogo nigilizma v Rossii." *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* 3(23):254–263.
- Hall, Stuart. 2001. "Foucault: Power, Knowledge, and Discourse." Pp. 72–81 in *Discourse Theory and Practice: A Reader*, edited by Margaret Wetherell, Stephani Taylor, and Simeon J. Yates. London: Sage Publications.
- Johnson, Carol. 2002. "Heteronormative Citizenship and the Politics of Passing." *Sexualities* 5(3):317–336.
- Kondakov, Alexander. 2010. "Heteronormativity of the Russian Legal Discourse: The Silencing, Lack, and Absence of Homosexual Subjects in Law and Policies." *Sortuz* 4(2):4–23.
- Kozyreva, Polina. 2008. "Pravovoe soznanie i doverie." *Politicheskie issledovaniia* 4:86–101.
- Locke, John. 1988. *Sochineniia v trekh tomakh*. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
- MacKinnon, Catharine A. 1993. *Only Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Marchenko, Mikhail. 2004. *Teoria gosudarstva i prava: Uchebnik*. Moscow: Zertsalo.
- Marx, Karl. [1844] 1955. "K evreiskomu voprosu." Pp. 382–413 in *Sobranie sochinenii*. Vol. 1. Moscow: Politizdat.
- Melekhin, Aleksandr. 2007. *Teoria gosudarstva i prava: Uchebnik*. Moscow: Market DS.
- Nietzsche, Friedrich. 1990. *Sochineniia*. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
- Olimpieva, Irina. 2005. "Neformal'naia ekonomika lesopol'zovaniia kak ob"ekt issledovaniia." Pp. 9–17 in *Neformal'naia ekonomika lesopol'zovaniia: uchastniki, praktiki, otnosheniia (na osnove materialov issledovaniia Irkutskoi oblasti)*, edited by Irina Olimpijeva, Oleg Pachenkov, and Zoia Solov'eva. Moscow: MONF.

- Phillips, Anne. 1999. "The Politicisation of Difference: Does This Make for a More Intolerant Society." Pp. 126–145 in *Toleration, Identity and Difference*, edited by John Horton and Susan Mendus. New York: Macmillan.
- Potter, Jonathan and Margaret Wetherell. 1994. "Analyzing Discourse." Pp. 47–66 in *Analyzing Qualitative Data*, edited by Alan Bryman and Robert G. Burgess. London: Routledge.
- Santos, Boaventura de Sousa. 2002. *Towards a New Legal Common Sense*. 2nd ed. London: Butterworths LexisNexis.
- Sarat, Austin. 1990. "The Law Is All Over: Power, Resistance and the Legal Consciousness of the Welfare Poor." *Yale Journal of Law & the Humanities* 2:343–379.
- Sen, Amartya. 1979. "Equality of What?" The Tanner Lecture on Human Values, delivered at Stanford University, May 22. Retrieved on January 8, 2007 (<http://www.uv.es/~mperezs/intpoleco/Lecturcomp/Distribucion%20Crecimiento/Sen%20Equality%20of%20what.pdf>).
- Shugurov, Mark. 2006. "Konstitutsionalizatsiia mezhdunarodnykh norm prav cheloveka i rossiiskoe pravosoznanie." *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 2:67–77.
- Trubek, David. 1984. "Where the Action Is: Critical Legal Studies and Empiricism." *Stanford Law Review* 36(1/2):575–622.
- Vetiutnev, Iurii. 2005. "Vozmozhna li universal'naia pravovaia identichnost'?" Pp. 41–52 in *Prava cheloveka i problemy identichnosti v Rossii i v sovremennom mire*, edited by Olga Malinova and Aleksandr Sungurov. Saint Petersburg: Norma.